

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

25 октября Петроградский Военно-революционный комитет в воззвании «К гражданам России», написанном В. И. Лениным, возвестил о победе социалистической революции. 26 октября II Всероссийский съезд Советов взял власть в свои руки, принял декреты о мире и земле и создал Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным.

Известие о победоносной революции в Петрограде пришло в Москву 25 октября, и в тот же день вечером на объединенном заседании Советов рабочих и солдатских депутатов города Москвы был избран Московский Военно-революционный комитет из семи человек во главе с Г. А. Усиевичем.

Весть о победе социалистической революции в Петрограде вызвала большой подъем среди рабочих и солдат Замоскворечья. 25 октября 1917 года пленум Замоскворецкого Совета рабочих депутатов совместно с представителями фабкомов и завкомов района избрали Военно-революционный комитет в составе товарищей И. Косиора (председателя Замоскворецкого Совета), Ю. Шиллерта, К. Витковского, В. Файдыша (начальника Красной гвардии района) и Вл. Ротшильда, одного меньшевика и одного эсера. Через день меньшевик и эсер вышли из состава Военно-революционного комитета. Вместе с тем комитет пополнился новыми товарищами, присланными из центра: профессором П. К. Штернбергом, Б. Волиным, а также партийным организатором района И. Цивцивадзе.

В некоторых воспоминаниях работа Замоскворецкого военно-революционного комитета, как и военно-революционных комитетов других районов, рисуется слишком организованной, с отделами, подотделами, чуть ли не по типу современных министерств. Между тем на самом деле в то время не было и не могло быть строго продуманной и четкой организации. Все находилось в непрерывном движении. Те или иные формы организации появлялись в ходе развертывания революционных событий, когда возникала потребность в этих организациях. Не было четкого разграничения обязанностей между членами Военно-революционного комитета. Да и самый факт выборности, как мы видели, не имел сколько-нибудь решающего значения.

Фактически Замоскворецким военно-революционным комитетом и прежде всего боевыми операциями в районе руководил профессор П. К. Штернберг. В организационно-административных вопросах его часто замещали Б. Волин и другие члены Военно-революционного комитета.

П. К. Штернберг представлял собою яркую фигуру революционера-ученого. Он был профессором астрономии Московского университета, ученым, известным не только у нас, но и за границей, членом партии большевиков с 1905 года, руководителем боевыми действиями в дни Октябрьской революции.

Во втором томе «Истории гражданской войны» Штернберг рисуется глубоко штатским человеком, типичным старым интеллигентом. «Необычайно мягкий, отзывчивый,— говорится в этом томе,— он тяжело переживал страдания раненых. Его штатский вид, общий облик старого интеллигента вызывали удивление, когда он появлялся на позиции» (с. 252).

На самом деле Штернберг как по своему духовному содержанию, так и по внешнему виду менее всего напоминал старого интеллигента. Умное, энергичное лицо, пышная шевелюра, орлиный нос, окладистая борода с проседью, кожаные кепка, куртка и солдатские сапоги, наган у пояса. Так выглядел он в дни октябрьских боев. Появление этой внушительной фигуры на боевых участках не только не вызывало удивления, а, наоборот, поднимало у бойцов бодрость, боевой дух, укрепляло волю к победе.

Военно-революционный комитет сразу стал общепризнанным боевым центром. Сюда стягивались с фабрик и заводов отряды красногвардейцев, сюда свозилось оружие, отсюда вооруженные отряды рассылались по окопам и боевым участкам, сюда приходили утомленные красногвардейцы, чтобы отдохнуть, съесть бутерброд, выпить стакан чаю, поспать несколько часов, затем вновь ринуться в бой.

Военно-революционный комитет во время боев жил в невероятном напряжении. Кроме руководства боевыми операциями, он выполнял разнообразные административно-организационные функции. Ревком должен был снабжать население продовольствием, наблюдать за порядком в районе и т. д. При нем была создана юридическая комиссия, которая допрашивала арестованных, с тем, правда, чтобы в большинстве случаев их отпускать.

Военно-революционный комитет опирался на широкий актив работников. В него входили Юрий Мышкин, П. Арутюнянц, Борисов-Гуревич, Марьян, Лисинова, Семенова, Е. Герцовская, Эпштейн, Дьяконов, Калинин, пишущий эти строки и др.

Как и многим другим товарищам, мне приходилось выполнять самые разнообразные поручения Военно-революционного комитета: то я исполнял обязанности секретаря, то ездил агитировать в какую-нибудь воинскую часть, то участвовал в разных совещаниях или производил обыски, устанавливал связь с центром и т. д.

Базой восстания были предприятия района. Эта база была поистине неисчерпаемой. Чем более развивались боевые действия, тем быстрее росли силы восстания, увеличивалось количество красногвардейцев, готовых отдать жизнь за победу пролетарской революции.

Октябрьское восстание в Москве проходило в иных условиях, нежели в Петрограде. Военно-революционный комитет проявлял колебания и нерешительность. Так, он вступил в переговоры с Рябцевым и Рудневым и тем допустил заминку, которая была использована белогвардейцами для мобилизации своих сил и захвата важных стратегических позиций. Это вызвало большое недовольство в районах.

26 октября, под вечер, в районном комитете партии большевиков на Малой Серпуховке, дом № 28, было собрание партактива Замоскворецкого района. Многие из выступавших на активе с возмущением говорили о медлительности центра и требовали немедленного выступления. Указывалось на то, что, пока центр медлит, белогвардейские массы стягивают свои силы, укрепляются. При этих условиях борьба будет более тяжелой. На собрании была избрана специальная делегация, которой было поручено поехать в Военно-революционный комитет Москвы и настаивать перед ним на немедленном открытии боевых действий против контрреволюции.

Делегация вернулась в Замоскворечье часам к двум ночи через Каменный мост, где уже был выставлен пикет юнкеров. Ревком в это время перебрался с Малой Серпуховки на Калужскую площадь, в бывший ресторан Полякова. По приезде делегации состоялось совещание ревкома. Было решено захватить мосты. Все свободные и вооруженные рабочие-красногвардейцы были разбиты на отряды и посланы в наиболее важные в стратегическом отношении пункты района: к Большому Каменному, Москворецкому и Крымскому мостам, откуда надо было ожидать наступления белогвардейцев.

26 октября ночью было получено распоряжение от Московского революционного комитета о присылке ему подкрепления. Посланы свыше 100 человек «двинцев», вооруженных русскими винтовками из запасов завода Михельсона. Первая стычка этого отряда с белогвардейцами произошла на Красной площади¹. Свыше половины отряда прорвалось к зданию Московского Совета.

По инициативе работниц и студенток под руководством Александра Калинина на Серпуховской площади, в бывшем кафе «Франция», был организован санитарный отряд. Медикаменты и необходимые материалы взяли из аптеки и с завода «Феррейн».

В Московском коммерческом институте оказался белогвардейский отряд студентов из 200—250 человек. Этот отряд пытался

---

¹ Вооруженное столкновение «двинцев» с юнкерами произошло вечером 27 октября. *Ред.*

выступить против вооруженных рабочих Замоскворечья. Представителю 55-го полка солдату Алексееву с ротой приказано было оцепить и ликвидировать этот очаг белогвардейцев в районе. К этому отряду присоединились красногвардейцы завода «Поставщик». Тов. Алексеев потребовал от студентов добровольной сдачи, на что они ответили выстрелами, но под натиском солдат и красногвардейцев принуждены были сдаться. Их под конвоем направили в Серпуховский арестный дом. Под утро их главарей допросила комиссия Военно-революционного комитета. Оказалось, что студенты получили оружие от Комитета общественной безопасности и действовали по его указаниям. Студентов оставили под арестом и освободили только 1 ноября, взяв у них подписку, что они не будут с оружием выступать против Советской власти.

С 27-го числа отряды рабочих со всех заводов и фабрик района начали стекаться в штаб революционного комитета, требуя оружия для участия в боевых действиях. День 27 октября прошел в организации этих отрядов.

По мере вооружения отряды направлялись на те или другие участки боя. Одновременно Военно-революционный комитет откомандировал специальных комиссаров для занятия милицейских участков.

В первые дни восстания была проведена огромная агитационная работа, в особенности среди воинских частей. Представители Военно-революционного комитета и агитаторы побывали во всех воинских частях, чтобы выявить настроение солдат и склонить их к участию в восстании. Так, тов. Борисова (Гуревича) направили в 55-й полк, а тов. Мышкина — в 196-ю запасную дружину. Призыв Военно-революционного комитета вызвал большой подъем и единодушную поддержку со стороны солдатских масс. Ряд колеблющихся солдатских частей удалось склонить на нашу сторону.

Одним из наиболее слабых мест в боевой деятельности Военно-революционного комитета было отсутствие налаженной связи внутри района. Между тем в одном из домов фабрики «Эйнем», выходящем на Берсеневскую набережную и соседний переулок, стояла рота мотоциклистов, или, как их тогда называли, самокатчиков. Рота решила сохранять нейтралитет. Мне было поручено сагитировать роту примкнуть к восстанию. В помощь мне был прикомандирован очень энергичный и инициативный красногвардеец ярко выраженного восточного облика (к сожалению, я не помню его фамилии).

На машине мы с ним поехали до Малого Каменного моста и далее пешком пробрались к зданию, где помещались мотоциклисты. Набережная и переулок находились прямо против храма Христа Спасителя, где засели юнкера, державшие эти пункты под непрерывным обстрелом. Приходилось прятаться за выступы зданий, водосточные трубы.

Войдя к мотоциклистам, мы немедленно созвали собрание. Я произнес короткую речь, в которой сообщил о победе пролетарской революции в Петрограде, о развертывающемся революционном восстании рабочих и солдат в Москве.

— В такой момент,— сказал я,— недопустимо и стыдно стоять в стороне. Тот, кто воздерживается от помощи революции, играет на руку контрреволюции!..

Мотоциклисты единодушно решили предоставить себя в распоряжение Военно-революционного комитета. Сопrotивлявшихся этому решению офицеров арестовали.

Мотоциклисты очень помогли Военно-революционному комитету, обеспечив связь с пунктами боевых действий, с фабриками и заводами.

Внутри района задача Военно-революционного комитета свелась главным образом к охране революционного порядка. Всюду в центральных пунктах были расставлены патрули из красногвардейцев и солдат. На заводах были созданы свои военно-революционные комитеты, которые охраняли не только свое предприятие, но и прилегающую к нему часть района.

В первые дни восстания сплошь да рядом по нашим отрядам стреляли из буржуазных домов, так что по вечерам приходилось ездить на трамваях с потушенными огнями. Однако благодаря принятым мерам Военно-революционного комитета, а также революционной бдительности завкомов и самих рабочих масс действия врагов революции были быстро парализованы.

Ревком издал приказ о беспощадной расправе за погромы, стрельбу из домов, черносотенную агитацию и за продажу водки.

Попытки грабежа со стороны бандитов в районе быстро ликвидировались. Так, цинделевские рабочие захватили банду громил, забравшихся в часовой магазин.

Не только красногвардейские патрули, военно-революционные комитеты фабрик и заводов, но и рабочие массы активно участвовали в охране района. Малейшее движение со стороны противника: выстрел, прозвучавший из буржуазного дома, слухи об оружии, хранящемся в той или иной квартире, световые сигналы противника — обо всем сообщалось в Военно-революционный комитет, который немедленно посылал отряды, производившие обыски, изымавшие оружие, арестовывавшие белогвардейцев и т. д.

Помню эпизод с первым обыском, который мне поручил произвести Военно-революционный комитет. Поступило сообщение, что в квартире одного из буржуазных домов где-то в районе Большой Серпуховки припрятано оружие. Мне дали отряд красногвардейцев и целый трамвайный вагон. Поехали с потушенными огнями. Мне никогда в жизни не приходилось производить обыски, хотя сам подвергался им со стороны царской полиции. Немудрено, что первый блин получился комом. В полночь мы позвонили в указанную квартиру. Нам открыли дверь полураздетые взволнованные хозяева. Красногвардейцы, не более меня «опытные»

в производстве обысков, не дожидаясь приказа, со словами «Руки вверх!» направили на хозяев ружья. Началась невообразимая паника, крики. С трудом удалось установить порядок.

Наспех обследовали квартиру и, ничего не найдя, смущенные, поехали обратно. Оказывается, обыск требует опыта и умения. В дальнейшем я учел этот первый неудачный опыт и проводил обыски более умело и эффективно.

Наиболее важными стратегическими пунктами района были участки у Большого Каменного и Москворецкого мостов и в особенности район Крымского моста и Остоженки, где главным образом и происходили бои.

У Большого Каменного моста нашему району приходилось выдерживать натиск юнкеров, засевших в Кремле и в храме Христа Спасителя. Этот участок был важен, во-первых, в том отношении, что здесь лежал главный путь из центра: Большой Каменный мост был своего рода воротами Замоскворечья; во-вторых, этот участок находился по линии наиболее близкого соприкосновения с боевыми центрами белогвардейцев; наконец, здесь помещалась трамвайная электрическая станция, а у Москворецкого моста — электрическая станция Об-ва 1886 года.

В боях у Большого и Малого Каменных мостов участвовали красногвардейцы трамвайной электрической станции, заводов «Густав Лист», Михельсона, фабрики «Эйнем», 4-я рота 55-го запасного полка. У мостов вырыли окопы. Красногвардейцы заняли вышку трамвайной электрической станции и колокольню соседней церкви, где установили пулеметы для обстрела противника. При помощи полевого телефона боевой участок на трамвайной электрической станции связали с Замоскворецким военно-революционным комитетом, с заводом «Густав Лист» и фабрикой «Эйнем».

Наличие в наших руках трамвайной электрической станции дало нам возможность пользоваться трамваями для перевозки продовольствия, оружия, войск и т. д. Когда юнкера перерезали часть Садового кольца, трамвайщики Замоскворецкого парка Апаков и другие, завесив чугунными листами переднюю площадку, разъезжали с небольшой охраной по нашим поручениям в самых опасных местах.

Противник неоднократно пытался прорваться через Большой Каменный мост в Замоскворечье, чтобы захватить трамвайную электрическую станцию и нанести нам удар в самом центре района, зная, что наши силы в значительной мере оттянуты боями на Остоженке. 27 октября на нескольких грузовиках хорошо вооруженные юнкера двинулись с Большого Каменного моста по Всехсвятской улице по направлению к Б. Полянке. Наши посты вовремя заметили движущиеся огни, сообщили об этом отрядам красногвардейцев, находившимся на Центральной трамвайной электрической станции. Те залегли по обе стороны улицы в канавах и, когда автомобили подъехали на близкое расстояние, дали

по ним несколько залпов. Юнкера от неожиданности растерялись и разбежались, оставив на месте несколько винтовок. Делались и другие попытки прорваться в Замоскворечье через Большой Каменный мост, но все они были отбиты красногвардейцами и солдатами.

Важную роль в борьбе с белогвардейцами сыграла также находившаяся в наших руках электрическая станция Об-ва 1886 года. По приказанию Военно-революционного комитета были оставлены без света все белогвардейские участки.

Красногвардейцы электрической станции Об-ва 1886 года вместе с красногвардейцами заводов «Густав Лист», «Поставщик» и других надежно охраняли подступы к Замоскворечью через Москворецкий мост.

В первые дни восстания Московский Военно-революционный комитет, помещавшийся в нынешнем здании Московского Совета, был окружен белогвардейскими частями и отрезан от районов. Чтобы попасть к зданию Моссовета, надо было пересечь районы, занятые юнкерами. Обычно для этой цели посылались двое: женщина и мужчина. В случае опасности они могли сойти за влюбленную парочку. Большую работу по связи с центром и по разведке расположения сил противника проделала кондуктор Замоскворецкого трамвайного парка тов. Легоньякая. На разведку она отправлялась одна или в паре с рабочим Крюковым, проявляя при этом много хитрости и изобретательности. Так, например, она отваживалась подходить к Кремлю, занятому юнкерами, и, чтобы дать знать нашим о количестве стоявших на стенах Кремля юнкеров, отбивала соответствующее количество поклонов перед Спасскими и другими воротами. Во время этих разведок тов. Легоньякую однажды арестовали юнкера, и она получила несколько ударов прикладами. Однако во всех случаях она с успехом выходила из самых трудных, казалось, безвыходных положений и точно выполняла ответственные поручения Военно-революционного комитета. Было много и других связисток и разведчиц, самоотверженно выполнявших задания Военно-революционного комитета.

При установлении связи с центром важное значение имел учет классовый психологии противника. В период Октябрьского восстания классовые противоречия достигли крайней остроты, получили почти скульптурное по четкости и точности выражение. На стороне революции — рабочие и солдаты, на стороне контрреволюции — юнкера, офицеры и многие студенты.

Мне было поручено пробраться в Московский военно-революционный комитет через районы, занятые юнкерами. Я надел студенческую форму Московского коммерческого института, моя спутница Шура Родникова тоже принарядилась так, чтобы выглядеть как можно более далекой от всякой политики. В ботинке у меня находился пропуск Военно-революционного комитета. От нас ждали сообщений о положении в районе, и мы должны были получить указания Центрального штаба восстания. Маршрут пролегал

через Зацепу, Краснохолмский мост, Таганку, Покровский и Чистопрудный бульвары, надо было пересечь Мясницкую улицу, Неглинную и Петровку, чтобы через Столешников переулоч выйти к Моссовету. В пролетарских районах нас на каждом шагу останавливали красногвардейцы, и приходилось то и дело вынимать и показывать пропуск Военно-революционного комитета. Зато в районах, занятых юнкерами, пропуском нам служили студенческая шинель с блестящими погонами и пуговицами и соответственно нарядный вид моей спутницы. У почтамта нас остановили юнкера лишь для того, чтобы любезно предупредить относительно улиц и переулков, где нам угрожает опасность попасть в лапы большевиков. В центре шла стрельба. Пули иногда ударялись впереди или позади нас на довольно близком расстоянии. Неглинная обстреливалась юнкерами, засевшими в «Метрополе». Пришлось долго выжидать момента, когда затихнет стрельба, чтобы перебежать Неглинную и пробраться к Столешникову переулочку и Моссовету. Поручение было выполнено успешно, и мы тем же путем к вечеру вернулись обратно. Расчет на классовую психологию противника полностью оправдался.

Главное внимание и силы нашего района были сосредоточены на участке Крымского моста и Остоженки, где велись ожесточенные бои против штаба Московского военного округа, являвшегося важным пунктом концентрации белогвардейцев.

В боях у Крымского моста и на Остоженке участвовали красногвардейцы заводов Михельсона, «Поставщик», Варшавского арматурного, «Мотор», «Бромлей», Телефонно-телеграфного, Протезного, фабрики «Циндель», фабрики «Брокер» и других предприятий Замоскворечья. Активное участие в этих боях принимали солдаты 55-го запасного пехотного полка и полурота солдат 193-го пехотного полка под командой командира Померанцева.

Рабочие отряды по Остоженке постепенно пробивались к штабу Московского военного округа. На углу Коробейникова переулочка, в доме № 33, находилась ночная чайная. В ней помещился штаб Остоженско-Пречистенского района. Командовал боевыми действиями на Остоженке рабочий Добрынин. В этом месте Остоженка делает изгиб, что дало возможность укрепиться отряду. Из Замоскворечья привезли тюки с хлопком, которыми загродили Остоженку около чайной, и под их прикрытием поперек улицы вырыли окопы. В чайной после смены отдыхали отряды красногвардейцев, сюда прибывали пополнения из района, здесь находились продовольственный отряд, главный перевязочный пункт и санитарные летучки. По продовольственному и санитарному делу в штабе работали сестры Леля и Валя Кравчук и Полина Замогильная.

В то время как красногвардейские отряды укреплялись на Остоженке, часть красногвардейцев старалась пробраться по Мансуровскому переулочку на Пречистенку, а оттуда к Московскому военному округу, но была отбита пулеметным огнем. Отойдя к углу Мансуровского переулочка, красногвардейцы вырыли окопы на

Пречистенке. Здесь замоскворецкие отряды слились с группами красногвардейцев Хамовнического района и стали под общую команду нашего штаба на Остоженке.

29 октября продолжалось дальнейшее укрепление на занятых позициях. Одновременно по Коробейниковскому и 3-му Зачатьевскому переулкам, выходящим на Остоженку, был занят женский Зачатьевский монастырь. Монастырь заняли два отряда. Один состоял из рабочих «Поставщика» под командой Смирнова, а другой — из саперов 3-го Ржевского саперного батальона под командой унтер-офицера. Саперы имели порядочные запасы патронов.

Отсюда велась перестрелка с юнкерами, засевшими в угловом доме № 17/15 по Остоженке. Боевые операции Остоженского района были направлены к тому, чтобы с правого фланга — от Зачатьевского монастыря и по возможности с Москворецкой набережной — выйти по Савеловскому переулку в тыл штаба Московского военного округа, одновременно прикрывая свой левый, пречистенский фланг от возможного обхода юнкерами.

В эту ночь из штаба Замоскворечья перебрали пулемет и поставили его на колокольню Зачатьевского монастыря, а к утру перенесли в иконописную мастерскую. Снабжались продовольствием оба отряда из монастырских запасов.

В ночь с 29 на 30 октября Московский военно-революционный комитет заключил перемирие. Сообщение о перемирии красногвардейцы встретили с возмущением и недоверием, имевшим серьезные основания. Положение на боевых участках складывалось все более благоприятно для красных. Красногвардейцы понимали, что белогвардейцы пытаются использовать перемирие в своих интересах. Примерно в это же время юнкера прорвались у Смоленского рынка по бульвару в направлении к Зубовской площади, где вели бои красногвардейцы и солдаты Хамовнического района. Таким образом, фактически боевые действия на этом участке не прекращались.

В ночь с 30 на 31 октября белогвардейцы усиленно обстреливали Зачатьевский монастырь и делали попытки подойти к нему, но были отбиты.

Во время боевых действий на Остоженке был смертельно ранен командир этого участка тов. Добрынин. Падая, он крикнул: «Да здравствует революция!» Подобравшие его белогвардейские сестры штаба Московского военного округа впоследствии рассказывали, что тов. Добрынин получил тяжелое ранение в живот разрывной пулей, перед смертью очень сильно мучился и просил его пристрелить.

Это была тяжелая потеря. Тов. Добрынин — молодой рабочий, самоотверженный революционер, преданный делу партии большевик. В течение трех суток он руководил боями на этом ответственном участке. Мне не раз приходилось в эти дни его видеть. Все его мысли и чувства были сосредоточены на боевых действиях, он был весь охвачен одним страстным желанием победы. Он почти

не спал, забывал о еде и держался только огромным нервным напряжением. Не будучи военным, Добрынин оказался великолепным командиром, показывавшим красногвардейцам пример инициативы, сообразительности, бесстрашия и героизма. Теперь имя Добрынина носит бывшая Серпуховская площадь Москворецкого района.

После смерти Добрынина командование перешло к товарищам Арутюнянцу и Мышкину, которые по обоюдному согласию решили командовать «коллегиально» — вдвоем, о чем немедленно довели до сведения ревкома Замоскворецкого района, утвердившего их решение.

Почти одновременно на Остоженке погибла и Люся Лисинова, активная участница Октябрьского восстания в Замоскворечье. Это была чрезвычайно скромная, симпатичная, умная и развитая девушка с выразительными грустными глазами, с большим сердцем, беспредельно преданная делу партии. Люся Лисинова в дни восстания стремилась всей душой помочь красногвардейцам, борющимся за победу революции. Она забывала о себе, об угрожающих ей опасностях и хотела быть там, где она нужнее. Когда в штаб поступили сведения о тяжелых боях на Остоженке, Люся без колебаний отправилась туда и была сражена белогвардейской пулей. Ее трагическую смерть мы, все ее товарищи, пережили очень тяжело. Светлую память об этой юной девушке, отдавшей жизнь за революцию, мы свято чтим и храним в наших сердцах. Имя Люси Лисиновой присвоено теперь бывшей Малой Серпуховской улице, где помещалась студенческая столовая, с которой она была связана по своей революционной работе.

31 октября юнкера предприняли обход с Арбата по Левшинскому переулку на Пречистенку, в тыл наших окопов, находившихся у Мансуровского переулка. Красногвардейцы не растерялись, немедленно заняли дом на углу Мансуровского переулка, по Пречистенке, выходящий на Левшинский переулок, продавили в окнах стекла и, лежа у подоконников, открыли огонь вдоль Левшинского переулка. Одновременно группа красногвардейцев поднялась на крышу соседнего шестиэтажного дома на углу Пречистенки и Еропкинского переулка и также открыла огонь по юнкерам.

Благодаря храбрости и находчивости красногвардейцев в течение очень короткого времени удалось отбить наступающую группу юнкеров и ликвидировать их обходное движение.

Вечером 31-го числа отряд, находившийся в Зачатьевском монастыре, сильным огнем отеснил юнкеров к углу 1-го Зачатьевского переулка (на Остоженке), вышел к дому № 17 (по-новому 15) по Остоженке и занял его. Здесь были вырыты окопы на расстоянии 1—1,5 квартала от окопов юнкеров, находившихся у штаба военного округа.

Замоскворецкий военно-революционный комитет предвидел возможность прибытия воинских частей в помощь контрреволюции

по Рязано-Уральской железной дороге. Наблюдение за дорогой было поручено Военно-революционному комитету станции Москва-Павелецкая, распространившему свое влияние на ряд станций, находящихся на расстоянии нескольких сот километров от Москвы.

1 ноября в ревком поступило донесение, что колонны казаков движутся по Серпуховскому шоссе из Каширы. Ревком немедленно командировал для переговоров с казаками тов. Карпова, который сам был казаком. Одновременно приняли меры к укреплению района у Серпуховской заставы. Тов. Карпову путем переговоров удалось приостановить движение казаков.

Военно-революционный комитет Замоскворечья неоднократно ставил вопрос перед Московским ревкомом о необходимости прибегнуть к артиллерийскому огню по противнику, чтобы дать возможность красногвардейцам под его прикрытием двинуться вперед и занять штаб Московского военного округа. 1 ноября наше орудие, стоявшее на берегу Москвы-реки, у Крымского моста, заговорило. Снаряды давали недолет и перелет. Один снаряд попал в тыл наших окопов, в Мансуровском переулке, пробил крышу особняка и ранил жившего в нем генерала Брусилова.

1 ноября во всех районах города Москвы начались решительные боевые действия. Красногвардейские отряды и солдатские части перешли в наступление против пунктов, занятых юнкерами. Усилился артиллерийский обстрел белогвардейских укрепленных мест.

2 ноября Руднев послал письмо в Московский военно-революционный комитет, в котором заявлял о прекращении вооруженной борьбы против Советской власти. Начались переговоры об условиях капитуляции белых.

Тем временем наступление красных продолжалось с возрастающей силой. Были заняты гостиница «Метрополь», Китай-город, городская дума, Исторический музей, Верхние торговые ряды. Кремль был окружен и рано утром 3 ноября занят революционными отрядами.

Упорные бои замоскворецких красногвардейцев и солдат на Остоженке закончились занятием штаба Московского военного округа.

Отряд под командой Смирнова подошел к штабу Московского военного округа. У ворот стояли часовые. На предложение открыть ворота они ответили отказом. Тогда тов. Смирнов с несколькими красногвардейцами перелез через ворота и распорядился никого не впускать и не выпускать из ворот. Из окон было видно, как в первых двух этажах юнкера передевались в солдатские шинели. На столах лежало много шоколада и хлеба.

В помещении штаба была обнаружена касса и в ней 100 тысяч рублей. У кассы поставили охрану. На чердаках и в верхних этажах штаба захватили 12 пулеметов. Вскоре в помещение штаба прибыл один из начальников Остоженского боевого участка, Петр Арутюнянц, с несколькими десятками красногвардейцев.

Офицеров и юнкеров, находившихся в штабе, обезоружили и отправили в Серпуховский арестный дом. Помимо пулеметов и другого оружия при занятии штаба Московского военного округа в наши руки попали восемь машин и четыре мотоцикла.

В это время отряды красногвардейцев, боровшиеся у Большого Каменного моста, перейдя в наступление, выбили юнкеров из храма Христа Спасителя, вынудив их отступить к Александровскому военному училищу.

Московский Военно-революционный комитет 2 ноября специальным приказом известил революционные войска о разгроме и сдаче белогвардейцев.

Замоскворецкий Военно-революционный комитет в свою очередь издал приказ, в котором говорилось: «Враг сдался. Все наши условия приняты. Признана власть Советов. Мирные условия вырабатываются. Позций не ослаблять. Быть на страже».

Так закончились боевые действия в Москве.

*Вопросы истории КПСС, 1957, № 3,
с. 195—203*